
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПСИХОЛОГИИ

ПРОБЛЕМА АКТИВНОСТИ КАК СТАНОВЛЕНИЯ СУБЪЕКТНОСТИ В ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ¹

© 2016 г. А. В. Иващенко*, Н. Б. Карабущенко**,
Т. С. Пилишвили***, Т. В. Чхиквадзе****

* Заслуженный деятель науки РФ, доктор педагогических наук, профессор кафедры психологии и педагогики, Российский университет дружбы народов, Москва
ivashchenko_av@pfur.ru

** Доктор психологических наук, заведующая кафедрой психологии и педагогики, Российский университет дружбы народов, Москва
n_karabushenko@inbox.ru

*** Кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии и педагогики, Российский университет дружбы народов, Москва
pilishvili_ts@pfur.ru

**** Кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии и педагогики, Российский университет дружбы народов, Москва
tv.chkhikvadze@yandex.ru

Рассматриваются современные тенденции и причины актуализации в психологических исследованиях проблемы активности как становления субъектности. Предлагается активностная метапарадигмальность с целью усиления рефлексии при сращивании действий исследователя, активно включенного в изучаемую систему “субъект–субъект” в рамках конкретной парадигмы, с внутренними изменениями активности исследуемого субъекта как открытой саморазвивающейся системы. Анализируются современные подходы к активности в отечественной и зарубежной науке, а также перспективы применения в постнеклассической психологии междисциплинарного подхода к активности как становления субъектности с целью возможного преодоления разрыва между субъектом и объектом, естественнонаучной и гуманитарной парадигмами.

Ключевые слова: активность, субъектность, постнеклассическая рациональность, активностная метапарадигмальность.

Проблема активности в психологии имеет особую историю. В настоящий момент происходит рефлексия наследия советской психологии и тех ценных теоретических положений Н.А. Бернштейна, П.К. Анохина, Л.С. Выготского, А.Р. Лурия, С.Л. Рубинштейна, А.Н. Леонтьева, которые свидетельствуют, с одной стороны, о важном и при этом не столь очевидном месте категории активности в психологической науке, а с другой стороны, должны быть переосмыслены с целью актуализации данной проблематики в постнеклассической рациональности для убедительного вхождения постсоветской психологии в современное научное мировое сообщество [11].

В настоящее время в психологической науке наблюдается все большее смещение внимания исследователей с особенностей отражения реальности на ее конструирование. Постнеклассическая психология, отличающаяся высоким уровнем рефлексии собственных способов познания и ценностных оснований, возникает как попытка преодоления гносеологических ограничений классической и неклассической науки посредством исследования открытых, сложных, саморазвивающихся систем [15, 47]. Последние были предложены В.С. Степиным при описании различных типов научной рациональности и понимаются как системы, самостоятельно выбирающие не только пути своего развития, но и их цели, критерии достижения, структурно-содержательные и функциональные компоненты, механизмы управления

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, грант № 12-06-00488а.

и саморегуляции [48]. Принципиальной в данном случае становится возможность перехода системы от одного уровня сложности саморазвития к другому со способностью к качественному изменению и смене самого конфигуратора, в качестве которого выступает спонтанная, внутренне обусловленная логика развития системы. Такое понимание развития и саморазвития реализуется в разных отраслях современной психологии с позиций, прежде всего, субъекта и субъектно-деятельностного подходов [27, 41, 50].

С позиции постнеклассической психологии, категория “активность” представляется нам наиболее перспективной для развития междисциплинарной модели становления субъектности, поскольку она потенциально преодолевает разрыв между науками о природе и науками об обществе и человеке, необходимо присутствуя в качестве базовой категории и в тех, и в других. В психологии под активностью понимается, прежде всего, обобщенная мера субъектности взаимодействия человека с миром, выражающая субъектность в выборе. Э.В. Сайко отмечает, что новый тип и “эволюционный уровень активности” выступает в качестве “системного свойства системы Человек” [43, с. 6]. Активность обозначается в качестве неотъемлемого свойства живых систем, проявляющегося на различных уровнях и в разных формах, становясь основанием воспроизводства принципиально нового (социального) мира. Цель настоящей статьи – проанализировать теоретико-методологические основания изучения активности как становления субъектности с позиции постнеклассической психологии и наметить наиболее перспективные направления исследований в этой области.

СОСТОЯНИЕ ПРОБЛЕМЫ АКТИВНОСТИ КАК СТАНОВЛЕНИЯ СУБЪЕКТНОСТИ В ПСИХОЛОГИИ

В современной науке актуализация рядом ученых проблемы активности как становления субъектности связана с несколькими принципиальными, на наш взгляд, моментами.

Во-первых, с требованиями поиска нового предмета психологии, выходящего за пределы марксистской теории со свойственным ей отражательным принципом, редуцирующим активность к деятельности, например, в работах последователей взглядов А.Н. Леонтьева. В постнеклассической рациональности находится место не просто рефлекторному, но опережающему (П.К. Анохин) [2], внутренне обусловленному (С.Л. Рубин-

штейн) [42] системному психическому отражению (Б.Ф. Ломов) [28] как активному поиску, выходящей за пределы адаптивности надситуативной активности (В.А. Петровский) [37], прогнозированию и программированию действительности ради сохранения субъектности как открытой саморазвивающейся системы (А.Л. Журавлев, Н.Е. Харламенкова) [14]. Предлагается, в частности, определить предмет психологии через науку о человеке “как субъекте психики, психической активности” [51, с. 317], “с его способностью к активной, сознательной, целенаправленной и свободной организации своей жизни” [32, с. 67]. Указывается значимость активности как “фактора детерминации психики” [47, с. 373], подчеркивается ее природа как “более генерализованной тенденции, направляющей общее взаимодействие субъекта с миром” [44, с. 124]. Согласно К.А. Абульхановой-Славской, в будущем именно субъект как “носитель активности” (С.Л. Рубинштейн) должен стать предметом психологической науки [1], однако Д.А. Леонтьев высказывает сомнение в приоритетности субъекта, в отличие от категории субъектности [26]. По нашему мнению, перспектива активности в становлении субъектности как предмета психологии состоит в том, что в ходе ее разворачивания во времени и пространстве как “актуальной меры влияния на внешние и внутренние процессы, включая также активное воздержание от внешней активности”, воспроизводятся разнообразные жизненные отношения человека с миром и собой [26, с. 147].

Во-вторых, посредством переосмысления категории активности как причинности причины по И. Канту, заключающей в себе “возможность и неизбежность становления причины действием” [37, с. 485], “психологической причинности” [56, с. 15] в современной ситуации парадигмальных изменений [23] становится реализуемой перспектива переосмысления и развития в постнеклассической психологии ранее предложенных Н.А. Бернштейном (физиология активности) [4], П.К. Анохиным (функциональная система) [2], С.Л. Рубинштейном (творческая самодеятельность) [42], А.В. Брушлинским (субъектность) [5], К.А. Абульхановой-Славской (стратегия жизни) [1] предпосылок возникновения *активностной метапарадигмальности*. Последняя понимается нами как такая логика в современной психологической науке вследствие усиления *рефлексии* всего большого множества существующих в ней парадигм [7, 36], которая предполагает, прежде всего, осознание самого влияния конкретной парадигмы, выход за ее границы и усиление критического анализа активности субъекта.

Активностная метапарадигмальность выстраивается на основе мультипарадигмальности психологической науки, состоящей в возможности существования дивергентности в интерпретации сущности предмета психологии в зависимости от направления исследования, и потенциально преодолевает ранее существовавшую несовместимость объяснительной, естественнонаучной и описательной, гуманитарной (не учитывающей источники психической активности) парадигм. Преимущество активностной метапарадигмальности со свойственной ей вероятностной, кольцевой, целевой, а также актуальной (В.А. Петровский) причинностью заключается в том, что в ее рамках возникает потенциальное существование нескольких возможных сценариев развития внутренне обусловленной активности как открытой системы становления субъектности.

В настоящее время в зарубежной психологии уже ведутся теоретические и практические исследования по самодетерминации и автономности [58], проактивному (опережающему) копингу [60], спонтанному поведению [66], мотивационной готовности [63], самогенерирующейся мыследеятельности [67]. Требуется более основательное осознание учеными теоретико-методологических предпосылок их исследований. Кроме того, активность возвращает психологическую науку из характерного для информационного общества исключительно технологического (и потому реактивного) направления исследований [56] в русло *интегративного подхода* к самоосуществлению целостности человека в процессе становления и реализации его субъектности. Как отмечает Е.А. Сергиенко, “именно в субъекте объединены и естественнонаучные, и гуманитарные парадигмы исследования человека”, поскольку в нем заключены микрокосм и макрокосм, “единство универсального и уникального” [44, с. 123]. По мнению В.В. Знакова, психология субъекта становится также “методологической основой эмпирических исследований проблем понимания человеческого бытия” [16, с. 95].

В-третьих, при решении фундаментальной проблемы развития в рамках постнеклассической рациональности предлагается переход от дихотомического сопоставления генетического и средового факторов влияния к принципиальному для этого этапа “взаимодействию трех основных факторов психического развития” (биологического, социального и фактора “активности самого субъекта жизни”) [9, с. 21]. Активность как становление субъектности происходит из эндогенных и требующих реализации во внешнем мире потреб-

ностей, что делает возможным переходы на все более сложные уровни ее организации.

Данный вопрос становится принципиальным не только с точки зрения разрешения собственно психофизической и психофизиологической проблем, но и с позиции важнейшего для постнеклассической рациональности вопроса о свободе человека, становления его субъектности. Так, в рамках когнитивно-бихевиорального подхода свобода понимается через воздействие человека, пусть даже и на самого себя (А. Бандура). В данном случае она описывается в терминах реактивного сопротивления навязываемому извне принуждению, т.е. вторична по отношению к внешнему миру. В постсоветской психологии ученые преимущественно исходят из свободы как личностной саморегуляции (Д.А. Леонтьев) [24, 26], самоопределения человека (Е.И. Кузьмина) [21], выхода субъекта свободы в “беспредельное” (В.А. Петровский) [37]. В рамках же активностной метапарадигмальности становится возможной свобода, обусловленная самой активностью в выборе какой-либо парадигмы и рефлексией по поводу этого выбора. Свобода здесь понимается как такая форма активности, которая обладает осознанностью, опосредованностью ценностным “для чего” и управляемостью в любой точке становления субъектности [24]. Говоря о взаимодействии потенциалов субъекта и среды в контексте масштабности субъекта, В.Н. Марков отмечает, что среда сама “выступает результатом активности субъекта” [30, с. 44]. С позиции данного подхода, именно активность позволяет человеку в ходе становления его субъектности принимать наиболее эффективные для себя решения по поводу целесообразного использования предоставленных ему средовых и индивидуальных ресурсов [29].

В-четвертых, активность, на наш взгляд, является категорией, посредством которой становится возможной перспектива преодоления разрыва между объектом и субъектом в постнеклассической рациональности за счет пересмотра границ субъектности в контексте телесности. Кризисное состояние всей современной науки состоит, в том числе, в попытке ухода от биологической природы человека с целью тотальной перестройки понимания его телесности. При этом не учитывается тот факт, что последняя представляет собой не отдельно существующую биологическую программу “индивид”, на базе которой выстраиваются личность и индивидуальность. Она является сложнейшим культурно-историческим явлением [52], системно изменяющимся в процессе становления субъектности (как на индивидуальном,

так и на коллективном уровнях). Как справедливо отмечает А.Ш. Тхостов, “следует заменить бинарное субъект-объектное членение реальности на трехчленное: субъект–тело–объект” [52, с. 69]. Телесность по-разному объективируется в культурно-исторической реальности бытия, культурное и натуральное тело не совпадают, образуя определенное расстояние между собой за счет неодинакового выстраивания границ активности в процессе становления субъектности. Само отклонение от заданного культурой пути развития может выступать в качестве психологической причины возникновения психосоматических расстройств. Поскольку тело осваивается человеком в ходе его онто- и филогенетического развития, болезнь может рассматриваться как изменение формы активности в овладении собой в ходе становления субъектности, как возможная попытка изменения конфигуратора активности для перехода системы на более простой уровень самоорганизации посредством регрессии.

В-пятых, актуализация проблемы активности как становления субъектности способствует возможности реализации теоретических и эмпирических исследований сложнейших психологических явлений типа “система–система” в их пространственно-временных отношениях с уходом от типизации личности к изучению уникальной целостной жизненной стратегии [1] в русле развития системно-субъектного подхода [44]. Признаками субъектности как саморазвивающейся системы признаются процессуальность, адаптивная целесообразность, необратимость развития, возможность выхода системы за пределы границ указанного уровня развития, внутренне обусловленная необходимость переходов на качественно новые уровни функционирования (самодетерминация), внутренняя способность к самонастраиванию (спонтанность) [48]. Соотношение свободного (личного) и институционального (общественного) времени жизни (Т.А. Нестик) [33], образа мира и образа жизни как формы активности субъекта (В.П. Серкин) [45], принятия решения о действии как первичного по отношению к самому действию процесса (В.И. Моросанова) выражают общую тенденцию к возможному преодолению разрыва в изолированном изучении, с одной стороны, активности субъекта и, с другой стороны, его бытия. При этом саморегуляция как “функциональное средство субъекта... для реализации собственной активности” [32, с. 67] в определенной мере претендует на становление в качестве универсального объяснительного принципа психологической науки [25]. Под активностью как становлением субъектности в данном

случае может пониматься вся совокупность реализуемых в течение определенного периода жизни деятельностей, событийных пластов, образующих образ жизни человека (В.П. Серкин).

В-шестых, в современной психологической науке особенно остро встает вопрос не только о возможности целостного познания активности как становления субъектности, но и о самом познающем субъекте как носителе активности и его потенциальной способности к освоению открытых, сложных систем постнеклассической психологии имеющимися сегодня научными методами. Последние, будучи элементом человеческой культуры, также представляют собой открытые, сложные системы и в контексте активностной метапарадигмальности требуют такой позиции ученого, которая связана с осознанием степени и характера вмешательства в изучаемые им психические явления, а также учета их потенциальных последствий. Указанный подход уже используется в некоторых зарубежных кросс-культурных исследованиях, хотя и не обозначается с предлагаемой нами позиции. Так, *P. Depoux* при изучении особенностей протекания адаптационного процесса у мигрантов учитывает не только субъективные и объективные переменные, касающиеся мигранта, но и четыре возможных варианта взаимодействия в рамках конкретного исследования с точки зрения этнической принадлежности исследователя и испытуемого к группе большинства, меньшинства и их вариациям. В этом контексте учитывается тот факт, что и сам исследователь, и испытуемый оказываются включенными в определенную систему той культуры, которая обуславливает их ценности, высшие смыслы, повседневный опыт и т.п. [59].

Несмотря на вышеуказанные основания актуализации проблемы активности как становления субъектности в современной психологии, “постнеклассический дискурс все еще остается не вполне освоенным отечественной психологической наукой” [15, с. 37], поэтому требуется переосмысление результатов работ по указанной проблеме, оценка существующих методических приемов, гипотез и целей будущих исследований.

СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ АКТИВНОСТИ В ПСИХОЛОГИИ

Принципиальным моментом в современных психологических исследованиях активности становится пересмотр причинности, а детерминация начинает носить сложный системный характер. Наряду с лапласовской, кольцевой причиннос-

тью, появляется целевая, вероятностная и актуальная детерминация активности как становления субъектности. В.А. Петровским развивается уже не просто целесообразная активность субъекта, а такая “совокупность обусловленных индивидуумом моментов движения”, которые образуют “моменты прогрессивного движения самой деятельности” [37, с. 38]. На основе представлений об активности С.Л. Рубинштейна, А.В. Брушлинского, К.А. Абульхановой-Славской развиваются вероятностные концепции активности как становления субъектности в ходе построения целостного образа мира и образа жизни с учетом их пространственно-временных характеристик [45]. В рамках школы А.И. Крупнова разрабатывается системно-диспозиционная модель личности, в которой целостно-функциональный подход к активности предусматривает наличие психодинамических и мотивационно-смысловых (содержательных) характеристик, а также фактор результативности деятельности [20]. В.И. Моросанова считает развитие осознанной саморегуляции произвольной активности одним из основных критериев становления субъектности человека [31, 32]. Наряду с А.К. Осницким [35] и О.А. Конопкиным [17, 18], она развивает дифференциально-регуляторный подход к индивидуальности человека, понимая, что от субъекта как носителя активности зависит способность к постановке и достижению его жизненных целей. В.И. Моросановой выделяются два уровня реализации индивидуальности: инструментальный (состоит в саморегуляции) и содержательный (отражается в направленности личности).

Н.Е. Харламенкова в контексте проблемы свободы–необходимости рассматривает субъекта как “человека на высшем уровне активности, целостности (системности) и автономности” [54]. Она последовательно развивает идеи С.Л. Рубинштейна и А.В. Брушлинского, эмпирически подтверждая свои теоретические гипотезы об активности как исходной характеристике, в которой действие внешних причин происходит только через внутренние, системно организованные условия, а также о процессуальном характере детерминации любого явления, что выражается в буквальном вырастании каждого последующего этапа психического процесса из предыдущего. По мнению автора, собственная активность субъекта обуславливает процессуальную и результативную уникальность деятельности, выражается в выстраивании границ психологически безопасного пространства и становлении чувства авторства жизненного пути через суверенность личности. Потенциальные внешние угрозы, опосредованно

влияющие на состояние личности через их внутреннюю оценку, становятся причиной ограничения активности как суверенности и аутентичности. Активность выступает в качестве действенной позиции человека, столкнувшегося с трудной жизненной ситуацией, по возвращению себе той личностной территории, которая была утрачена в ходе психотравмирующего события и в будущем, в результате эффективного преодоления вновь должна субъективно оцениваться как безопасная [54].

Предложенная А.А. Волочковым модель целостной активности субъекта жизнедеятельности как качественно-количественной системы, построенной по динамическому принципу, представлена конкретными сферами взаимодействия человека с миром (предметной деятельностью, познанием, общением, созерцанием, самосозерцанием) и количественным показателем этого взаимодействия посредством степени автономности субъекта, Я-детерминации, контроля и результативности активности [8, 40]. При этом эмпирически предлагается измерять временные показатели в определенных сферах взаимодействия с помощью программы “Выбор сфер и каналов взаимодействия”. Активные показатели выявляются посредством уровня субъектной детерминации в “Вопроснике целостной активности”, которые, однако, “не связаны строго однозначно”, поскольку “активность взаимодействия и его длительность – взаимосвязанные, но качественно различные феномены” [39, с. 332].

В рассматриваемой Ю.Р. Вагиным медико-психологической модели витальной–авитальной активности человека под *витальной активностью* понимается “закономерный процесс самоструктурирования материи в ходе онтогенеза” [6, с. 183]. Она поддерживает оптимальные условия функционирования субъекта на физиологическом, психологическом и социальном уровнях и имеет две формы проявления, состоящие, с одной стороны, в удовлетворении комплексной потребности в безопасности, и с другой стороны, в продолжении рода, в том числе, в ментальном продолжении себя в других людях. Автор отмечает, что усложнение самого биологического вида приводит к более системной организации моделей самосохранения и самовоспроизводства. *Авитальная* же, по мнению М.П. Голуб-Бережной, активность противоположна по направленности витальной и заключается в системном и столь же интенсивном усложнении способов самоуничтожения как формы ухода субъекта от отчуждения с целью прерывания собственной жизни [10]. В качестве

авитальной активности с целью психологического ухода рассматривается невротическое поведение (уход от отчуждения в чрезмерную ситуативную тревожность), апатичное поведение (уход от отчуждения в пассивное безучастие), пресуицидальное поведение (бессознательное стремление к сокращению жизни). Авитальная активность с целью культурологического ухода от отчуждения состоит в сознательном, стратегическом выходе человека из определенной ситуации, например, посредством отказа от лечения, самоповреждения, злоупотребления психоактивными веществами, патологического ухода в конкретную деятельность (работу, игру), заверщенного суицида. Возможен и позитивный уход от отчуждения при реализации витальной активности, состоящей в творческой преобразовательной деятельности личности. Интересна позиция Ю.Р. Вагина в отношении требований все более высокого уровня витальной активности личности со стороны современного общества, что может привести к росту аналогичной тенденции в отношении авитальной активности, проявляющейся, например, в террористической, суицидальной, преступной формах.

Попытка применения *междисциплинарного подхода* при выстраивании теоретической диспозиционной модели личности предпринята учеными в области программирования и психологии, сравнивающими активность в социальных сетях с особенностями невротизма, открытости опыту, способности к взаимопомощи, интроверсии и экстраверсии [57]. Их основная цель состоит в попытке решения не просто конкретной психодиагностической задачи, а в автоматизации процесса прогнозирования поведения человека в реальности на базе его активности в интернет-пространстве. Не останавливаясь здесь на вопросе психологической безопасности пользователя в сети, который, безусловно, должен стать одним из ведущих в современной психологии Интернета в связи с увеличением коммерчески оправданных, но неоднозначных с точки зрения этики исследований [65], укажем лишь на саму попытку совмещения технологических новшеств и классических психологических теорий для понимания активности коллективного субъекта [13].

В зарубежных исследованиях развивается концепция проактивной личности [62, 64], в которой *проактивность* понимается как относительно стабильная личностная характеристика, ориентированная на планирование будущих событий, настойчивость, способность к воспроизводству позитивных изменений в самом себе и окружающей действительности. Э. Грингласс и Л. Фиксенбаум

разрабатывают концепцию проактивного копинга, который выходит за рамки реактивного реагирования на средовые и внутренние изменения. Он отличается от традиционных копинг-стратегий направленностью в будущее, высокой саморегуляцией при достижении цели, восприятием стрессового фактора не в качестве угрозы, а в качестве вызова, на который требуется ответить в перспективе, использованием конструктивного преодолевающего поведения еще до возникновения самого события, рассматриваемого в качестве стрессового [61]. Понимание, близкое к описанному, характерно и для отечественных исследований [46, 49].

На наш взгляд, не является целесообразным в рамках ограничивающей познание дихотомии активности/пассивности рассматривать первую исключительно с позиции позитивных преобразований, направленных в будущее, а вторую связывать с негативными переживаниями. Так, в проведенном нами ранее исследовании активности в процессе инокультурной адаптации арабских студентов на фоне переживаемого ими военно-политического конфликта на родине было показано, что активность может быть связана не столько с усилиями по позитивному совладанию с ситуацией, сколько с конфронтационной агрессией как попыткой разрядки психоэмоционального напряжения [38]. Анализируя ряд зарубежных работ, И.А. Джидарьян делает справедливый вывод о том, что активный копинг может быть сопряжен как с оптимизмом, так и с пессимизмом личности, что делает утверждение об обязательной связи оптимизма и активных форм совладания с жизненными сложностями несостоятельным [12].

Определяя основные теоретические конструкты в области активности как становления субъектности, мы сталкиваемся с проблемой соотношения указанной категории с саморегуляцией и проактивным копингом в современной отечественной и зарубежной психологии, требующей предметного разграничения указанных понятий. Представляется, что активность как самостоятельная категория имеет наиболее позитивные перспективы при разработке междисциплинарного подхода к становлению субъектности в постнеклассической психологии, поскольку в большей мере способна на описание биохимического, психофизиологического, психологического, социального и других уровней развертывания субъектности в его системно-эволюционном развитии. По-видимому, требуется создание такой теоретической модели активности как становления субъектности в постнеклассической психологии, которая бы учитывала структур-

но-содержательные и функциональные компоненты активности, ее процессуально-динамические и информационно-управленческие характеристики, а также открытый характер взаимодействия со средой при обмене с ней веществом и энергией в качестве сложной саморазвивающейся в ходе эволюции системы.

ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ АКТИВНОСТИ КАК СТАНОВЛЕНИЯ СУБЪЕКТНОСТИ

Намечая формулировку возможных целей, гипотез и перспектив дальнейших исследований, выделим наиболее актуальные, на наш взгляд, направления.

Проблематика эмпирического исследования в психологии витальной–авитальной активности как становления и разрушения субъектности видится нам перспективной в связи с преобладающими в научном мире стремлениями к продолжению жизни человека разнообразными медицинскими и биотехнологическими методами, сопровождающимися, по нашему мнению, чрезмерным оптимизмом по поводу предстоящего бессмертия и усиления правового регулирования рождаемости. Возможно, глубинное понимание психологией природы активности и осознание вмешательства в ее реализацию со стороны современной науки коренным образом изменит отношение к становлению субъектности и противоположным ей тенденциям, к которым бессознательно или осознанно прибегает человек. Возможная гипотеза может состоять в выявлении особенностей становления субъектности и качества жизни при осознании ее конечности в связи с различными формами активности, выходящими за рамки отдельных деятельностей.

Перспективным, на наш взгляд, является исследование новых форм протекания и изменения границ активности как становления субъектности в информационном мире. Интересна тенденция, связанная с генезисом субъектности от стихийного, анонимного, хаотичного, инициативного, нередко лишенного критичности потребительского осваивания интернет-среды пользователями в конце XX в. ко все более регламентированному, ответственному и осознанному ее конструированию самими участниками с применением новейших *web 3.0* технологий XXI в. Последние позиционируются не столько как технологическая, сколько как социокультурная среда, которая изменяет сам характер взаимодействия в сети. Сетевое пространство характеризуется ускорением времени и уплотнением пространства в рамках сети, что, по-

видимому, будет особым образом изменять пространственно-временные свойства образа мира и образа жизни человека посредством неодинакового протекания активности как самоосуществления личности и становления субъектности в повседневной и виртуальной реальности [19].

Междисциплинарные исследования активности на стыке ядерных, биологических, медицинских, технологических и психологических разработок, возможно, позволят разрешить вопрос, связанный с дихотомией активности/пассивности, объекта/субъекта в классической и неклассической науке, о механизмах возникновения и регуляции активности как системного свойства всего живого, ассимилятивно-диссимилятивных процессах, лежащих в основе активности как системного становления субъектности в ходе эволюции. В данном контексте интересны исследования в области спонтанности, автономности, принятия решений и результативности в ходе развития субъектности. Кроме того, с учетом активностной метапарадигмальности в междисциплинарных исследованиях возможно построение на основе психологической науки человекообразных систем взаимодействия с исследуемыми биотехнологическими системами, которые рефлексируясь, перестают различаться с точки зрения их естественности или искусственности, приобретая новые вероятностные и социокультурные измерения.

Психологическое исследование содержания самих качественно изменяющихся форм активности как становления субъектности в процессе онто- и социогенетического развития позволят ответить на ряд вопросов, связанных с характером изменения субъектности, бифуркационными периодами и потенциальными перспективами ее развития [53] как на уровне уникального жизненного пути, образа мира и образа жизни конкретного человека в контексте его культурно-исторического генезиса, так и на уровне коллективного субъекта [13], приобретающего все большее значение в процессе гуманизации отношений между истинностью и нравственностью в постнеклассической рациональности. В данном случае именно психологией должен осуществляться интенсивный поиск ценностно-смысловых оснований активности как становления субъектности [22, 34], ресурсных состояний человека в различных возрастах и ситуациях на базе высокой контекстуальности, фактологического знания жизненных вопросов, релятивизма и высокой толерантности к неопределенности [3, 55]. Изучение активности как становления субъектности позволяет осуществить сдвиг в сторону более целостного исследования и понимания че-

ловека, ухода от дробной типизации и изучения конкретных видов деятельности, форм, компонентов, элементов активности к комплексному пониманию места и предназначения человека в мире как сложной, открытой, саморазвивающейся, постоянно балансирующей, переживающей бифуркационные периоды системе [14].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, рассмотренные тенденции современного постнеклассического этапа развития психологических исследований активности как становления субъектности отражают глубину актуального парадигмального кризиса в науке. Последний может быть преодолен, в частности, посредством введения в психологические исследования активностной метапарадигмальности. Она заключается в высокой рефлексии исследователя по поводу используемых им методов и методик, а также осознания потенциальных ограничений применяемых им инструментов исследования в каждой из парадигм для построения целостной междисциплинарной модели активности как становления субъектности в качестве открытой саморазвивающейся системы в онтогенетическом и социогенетическом планах. При этом в рамках постнеклассической психологии возникает сложный вопрос, связанный с необходимостью сращения собственных действий исследователя как активно воздействующего на систему извне (а строго говоря, включенного в саму систему в качестве ее элемента) и внутренних изменений активности исследуемого субъекта в его собственном пространственно-временном внутреннем и внешнем мире. Перспектива развития в психологии активности связывается нами с возможным преодолением в ее рамках существующего разрыва между субъектом и объектом, генетическим и средовым детерминизмом, образом мира и образом жизни как форм сознания и бытия в пространственно-временных координатах становления и развертывания субъектности как процесса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абульханова-Славская К.А. Личность как субъект жизненного пути // *Время как фактор изменений личности* / Под ред. А.В. Брушлинского, В.А. Поликарпова. Минск, 2003. С. 24–65.
2. Анохин П.К. Узловые вопросы теории функциональных систем. М.: Наука, 1980.
3. Анцыферова Л.И. Мудрость и ее проявления в разные периоды жизни человека // *Психологический журнал*. 2004. Т. 25. № 3. С. 17–24.
4. Бернштейн Н.А. Очерки по физиологии движений и физиологии активности. М.: Медицина, 1966.
5. Брушлинский А.В. Психология субъекта. М.: Институт психологии РАН; СПб.: Алетейя, 2003.
6. Вагин Ю.Р. Авитальная активность (злоупотребление психоактивными веществами и суицидальное поведение у подростков). Пермь: Изд-во ПРИПИТ, 2001.
7. Взаимоотношения исследовательской и практической психологии. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2015.
8. Волочков А.А. Активность субъекта как фактор психического развития (гипотезы, модели, факты) // *Психологический журнал*. 2003. Т. 24. № 3. С. 22–31.
9. Волочков А.А. Проблема активности в отечественной психологии // *Психология. Экономика. Право*. 2012. № 1. С. 15–24.
10. Голуб-Бережная М.П. Витальная и авитальная активности человека как формы выхода из отчужденного бытия // *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7. Философия. Социология и социальные технологии*. 2010. Т. 2. № 7–12. С. 183–186.
11. Давыдов В.В. Взаимосвязь идей Л.С. Выготского и Н.А. Бернштейна // *Вопросы психологии*. 2010. № 4. С. 104–108.
12. Джидарьян И.А. Оптимизм: проблемы теории и методов изучения // *Психологический журнал*. 2013. Т. 34. № 1. С. 25–35.
13. Журавлев А.Л. Психология коллективного субъекта // Сергей Леонидович Рубинштейн. Серия “Философия России второй половины XX века”. М., 2010. С. 270–316.
14. Журавлев А.Л., Харламенкова Н.Е. Психология личности как открытой и развивающейся системы (к юбилею Л.И. Анцыферовой) // *Психологический журнал*. 2009. Т. 30. № 6. С. 30–39.
15. Зинченко Ю.П., Первичко Е.И. Постнеклассическая методология в клинической психологии: научная школа Л.С. Выготского – А.Р. Лурия // *Национальный психологический журнал*. 2012. № 2 (8). С. 32–45.
16. Знаков В.В. Психология субъекта как методология понимания человеческого бытия // *Психологический журнал*. 2003. Т. 24. № 2. С. 95–106.
17. Конопкин О.А. Осознанная саморегуляция как критерий субъектности // *Вопросы психологии*. 2008. № 3. С. 22–34.
18. Конопкин О.А. Участие эмоций в осознанной регуляции целенаправленной активности человека // *Вопросы психологии*. 2006. № 3. С. 38–49.

19. Крамаренко Н.С., Сомов Д.С. Виртуальный мир как новое пространство самоосуществления человека // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 3: Педагогика и психология. 2013. № 4 (октябрь). С. 42–48.
20. Крупнов А.И. Системно-диспозиционный подход к изучению личности и ее свойств // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2006. № 1(3). С. 63–74.
21. Кузьмина Е.И. Психология свободы. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1994.
22. Купрейченко А.Б., Журавлев А.Л. Ценностно-смысловая рациональность экономического поведения населения современной России // Психология в экономике и управлении. 2010. № 2. С. 57–66.
23. Купрейченко А.Б., Журавлев А.Л. Парадигмальные изменения в психологических исследованиях личности и группы // Парадигмы в психологии: науковедческий анализ. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2012. С. 217–239.
24. Леонтьев Д.А. Психология свободы: к постановке проблемы самодетерминации личности // Психологический журнал. 2000. Т. 21. № 1. С. 15–25.
25. Леонтьев Д.А. Самоорганизация живых систем и физиология поведения // Мир психологии. 2011. № 2. С. 16–27.
26. Леонтьев Д.А. Что дает психологии понятие субъекта: субъектность как измерение личности // Эпистемология и философия науки. 2010. Т. 25. № 3. С. 135–153.
27. Личность и бытие: субъектный подход: Материалы научной конференции. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2008.
28. Ломов Б.Ф. О системном подходе в психологии // Вопросы психологии. 1975. № 2. С. 31–45.
29. Манолова О.Н. Пространство активности субъекта как акмеологический ресурс // Мир психологии. 2009. № 1. С. 56–64.
30. Марков В.Н. Субъект и среда // Мир психологии. 2013. № 4. С. 41–50.
31. Моросанова В.И. Дифференциальный подход к психической саморегуляции: исследование действий профессионала // Психологический журнал. 2012. Т. 33. № 3. С. 98–110.
32. Моросанова В.И. Психология саморегуляции. М.—СПб.: Нестор-История, 2012.
33. Нестик Т.А. Социальная психология времени: состояние и перспективы исследований // Психологический журнал. 2014. Т. 35. № 3. С. 5–19.
34. Ожиганова Г.В. Субъектный подход к изучению высших духовных способностей // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2010. № 4. С. 11–17.
35. Осницкий А.К. Регуляция деятельности и направленность личности. М.: Изд-во Моск. экон.-лингвист. ин-та, 2007.
36. Парадигмы в психологии: науковедческий анализ. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2012.
37. Петровский В.А. Человек над ситуацией. М.: Смысл, 2010.
38. Пилишвили Т.С., Масри А.И. Специфика инокультурной адаптации арабских студентов на фоне стрессогенной ситуации в родной стране // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2013. № 2. С. 50–55.
39. Попов А.Ю., Волочков А.А. “Внешнее” и “внутреннее” в целостной активности субъекта бытия (на примере студентов вузов) // Сибирский педагогический журнал. 2007. № 13. С. 327–335.
40. Попов А.Ю., Волочков А.А. Диагностика целостной активности субъекта жизнедеятельности: методологические, статистические и психометрические аспекты // Высшее образование сегодня. 2008. № 2. С. 46–49.
41. Психология человека в современном мире. Том 4. Субъектный подход в психологии: история и современное состояние. Личность профессионала в обществе современных технологий. Материалы Всероссийской юбилейной научной конференции. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2012.
42. Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. Человек и мир. СПб.: Питер, 2003.
43. Сайко Э.В. Отношение как базовое основание субъектности и развития активности субъекта деятельности // Мир психологии. 2011. № 4. С. 3–13.
44. Сергиенко Е.А. Системно-субъектный подход: обоснование и перспектива // Психологический журнал. 2011. Т. 32. № 1. С. 120–132.
45. Серкин В.П. Взаимосвязь образа мира и образа жизни // Мир психологии. 2009. № 4. С. 109–119.
46. Совладающее поведение: Современное состояние и перспективы. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2008.
47. Стахнева Л.А. Подходы к пониманию предмета современной психологии в контексте постнеклассического типа рациональности // Ученые записки Орловского государственного университета. 2013. № 2. С. 372–375.
48. Стёпин В.С. Теоретическое знание: структура, историческая эволюция. М.: Прогресс-Традиция, 2000.
49. Стресс, выгорание, совладание в современном контексте. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2011.
50. Субъектный подход в психологии. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2009.
51. Татенко В.А. Психология в субъектном мировоззрении. Киев, 1996.
52. Тхостов А.Ш. Психология телесности. М.: Смысл, 2002.
53. Феномен и категория зрелости в психологии. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2007.

54. Харламенкова Н.Е. Научные основания и теоретико-эмпирическое переосмысление принципа детерминизма в субъектно-деятельностном подходе // Психологический журнал. 2013. Т. 34. № 2. С. 17–28.
55. Харламенкова Н.Е., Журавлев А.Л. Мудрость личности (к 90-летию со дня рождения Л.И. Анцыферовой) // Психологический журнал. 2014. Т. 35. № 5. С. 99–101.
56. Юревич А.В. Парадигмальные дебаты // Методология и история психологии. 2007. Т. 2. № 3. С. 3–17.
57. Bai S., Zhu T., Li Cheng Big-five personality prediction based on user behaviors at social network sites // Computers and Society. 2012. <http://arxiv.org/abs/1204.4809v1>
58. Benita M., Roth G., Deci E.L. When are mastery goals more adaptive? It depends on experiences of autonomy support and autonomy // Journal of educational psychology. 2014. Vol. 106. № 1. 258–267.
59. Denoux P. Pourquoi cette peur au ventre ? Cultures et comportements face aux crises alimentaires. Paris: Lattès. 2014.
60. Greenglass E. Proactive coping. Chapter 3. In Frydenberg E. (Ed.), Beyond coping: Meeting goals, vision, and challenges. London: Oxford University Press. 2002. P. 37–62.
61. Greenglass E.R., Fiksenbaum L. Proactive coping, positive affect, and well-being: testing for mediation using path analysis // European psychologist. 2009. Vol 14(1). P. 29–39.
62. Hersch G.I., Lamport N.K., Coffey M.S. Activity analysis: application to occupation, the USA SLACK Incorporated, 2005.
63. Kruglanski A.W., Chernikova M., Rosenzweig E., Kopetz C. On motivational readiness // Psychological review. 2014. Vol. 121. № 3. P. 367–388.
64. Li W.D., Fay D., Frese M., Harms P.D., Gao X.Y. Reciprocal relationship between proactive personality and work characteristics: a latent change score approach // Journal of Applied Psychology. 2014. Vol. 99. № 5. P. 948–965.
65. Ross M.W. Do research ethics need updating for the digital age? The Facebook emotional contagion study raises new questions // Monitor on psychology. 2014. Vol. 45. № 9. P. 64.
66. Slingerland E. Trying not to try: The art and science of spontaneity. NY, US: Crown Publishers / Random House. 2014.
67. Smallwood J. Distinguishing how from why the mind wanders: a process–occurrence framework for self-generated mental activity // Psychological Bulletin 2013. Vol. 139. № 3. P. 519–535.

THE PROBLEM OF ACTIVITY AS FORMATION OF SUBJECTIVITY IN POSTNONCLASSICAL PSYCHOLOGY

A. V. Ivashchenko*, N. B. Karabushchenko, T. S. Pilishvili***, T. V. Chykvadze******

* *Honored worker of science, doctor of pedagogical sciences, professor of psychology and pedagogy department, Peoples' Friendship University of Russia, Moscow*
ivashchenko_av@pfur.ru

** *Doctor of psychology, head of psychology and pedagogy department, Peoples' Friendship University of Russia, Moscow*
n_karabushenko@inbox.ru

*** *PhD, associate professor of psychology and pedagogy department, Peoples' Friendship University of Russia, Moscow*
pilishvili_ts@pfur.ru

**** *PhD, associate professor psychology and pedagogy department, Peoples' Friendship University of Russia, Moscow*
tv.chkhikvadze@yandex.ru

Current trends and causes updating the problem of activity as subjectivity formation in psychological researches are presented. It is proposed the activity metaparadigm to enhance reflection on splice of researcher's actions, who is actively included in the studied "subject-subject" system within a concrete paradigm with internal changes of the studied subject activity as an open spontaneous system. Modern approaches to the activity in Russian and foreign science and the prospects for application an interdisciplinary approach to the activity as subjectivity formation in postnonclassical psychology with a view to possibly bridge the gap between subject and object, natural and humanities paradigm are analyzed.

Key words: activity, subjectivity, postnonclassical rationality, activity metaparadigm.